
И. И. Панаев

Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Март 1853

Отрывок

Поприще бедного доброго малого окончено в столице. Он принужден бежать в провинцию, и ему остается одно, заглушив в себе свою снобскую гордость, как Вихореву в комедии г. Островского, шнырять по уездным городам в надежде открыть какую-нибудь невесту из купеческого сословия, чтобы снова, посредством такого благоразумного брака, подняться в общественном мнении, то есть завести по-прежнему рысаков, светло-бирюзовые кучерские шапки, пить всякий день шампанское и жить, что называется, в собственное удовольствие.

Вихорев в комедии г. Островского: «Не в свои сани не садись» — лицо верное действительности и чрезвычайно удачно поставленное. Это Сноб по происхождению и добрый малый, вроде очеркнутого мною выше, взятый в трагическую, роковую для него минуту. И сколько на свете таких Снобсов!

Комедия г. Островского имела блистательный и вполне заслуженный успех на двух сценах: петербургской и московской — и потом появилась в 5 № «Москвитянина». В «Современнике» (3 №, Письма П. Ч.) уже было обращено на нее внимание; но мы не можем лишить себя удовольствия, чтобы не поговорить о ней и о ее авторе несколько подробнее.

Г. Островский, бесспорно, владеет замечательным талантом. Первое произведение его обратило на него всеобщее внимание; автор вдруг возбудил, не без основания, самые преувеличенные надежды, и мы, в числе других, пораженные чтением этого произведения, были почти уверены, что русская литература приобрела себе в лице г. Островского такой же высокий, художественный талант, каким владел тот, кто так недавно и безвременно сошел в могилу...

В самом деле, первая драма г. Островского резко выходила из ряда обыкновенных талантливых произведений, современных нам. Лица этой драмы — типы, поставленные твердой и опытной рукой художника, действие ее живо и последовательно, а язык отличается тою силою и верностью, тою полнотою и меткостью, каким отличается язык в «Горе от ума» и в «Ревизоре», обратившийся в пословицы... Словом, русская литература приобрела в драме г. Островского художественное произведение, и этим самым автор ее с первого шага своего поставлен был в отношении к критике в положение совершенно исключительное. Удовлетворить возбужденным им ожиданиям было, конечно, не так легко. А между тем, чересчур услужливая критика, не имеющая ни в чем умеренности: ни в похвалах, ни в осуждениях, — критика, не говорящая слова спроста, а все с ужимками и с пафосом, восклицала по поводу г. Островского, напыщенным слогом: «Вот грядет... и проч.» и такого рода восторженными возгласами невольно возбуждала к нему еще большую требовательность. С другой стороны, если хотите, положение г. Островского было довольно выгодно. Люди, озадаченные и запутанные, так сказать, и талантом автора, и возгласами

насчет его, готовы были видеть в каждом, даже посредственном его произведении, имеющем явиться вслед за первым, произведение необыкновенное и гениальное.

В таких обстоятельствах явилась «Бедная невеста» и встречена была различно петербургскими журналами. Некоторые журналы отозвались о ней с большою похвалою («Современник» и «Библиотека для чтения»). В «Современнике» даже двум довольно незначительным лицам этой комедии: *Милашину* и *Меричу* — приписано какое-то особенное значение. Вообще в статье этой, хотя и написанной одним из талантливейших представителей современной литературы, есть что-то неопределенное и недосказанное. Автор ее усиливался придать произведению г. Островского большее достоинство, чем оно имеет, и как бы сам в то же время чувствовал это. «Отечественные записки», напротив, отозвались о «Бедной невесте» уже слишком неблагоприятно и строго... В сущности (по крайней мере, нам так кажется), «Бедная невеста» есть произведение таланта замечательного, но произведение неудавшееся, прекрасное в частностях, но невыдержанное художественно в целом. Доказывать это теперь мы не считаем удобным, потому что намерены говорить о новом произведении г. Островского, талант которого мы вполне ценим и уважаем.

Мысль новой его комедии выступает ярко и рельефно. В ней люди грубые простые, необразованные, но с душой и с прямым здравым смыслом поставлены рядом с людьми полуобразованными, с людьми, находящимися в переходном состоянии, утратившими совершенно первобытную чистоту и простоту нравов и принявшими или желающими принять образованную внешность, то есть одну пустоту и тщету, и вследствие этого походящие на ворону в павлиньих перьях. Автор очень ловко воспользовался этим контрастом. Простые и грубые люди — этот Русаков и Бородин — являются у него чуть не гомерическими героями в сравнении с образованным г. Вихоревым. Как прекрасны эти мужики в своей простоте и как жалок этот Снобс, этот промотавшийся добрый малый, в своей наглости и в своих претензиях! Послушайте разговор его с его приятелем г. Баранчевским.

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. (*Смотрит на часы.*) Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский (половому). Бутылку шампанского! (*Садятся.*)

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтора тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ 200, дом отдал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присватался за одну — куш порядочный; влюбилась, сдуру, ужас как, просто средств нет никаких, да не отдадут ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкнешь — дура ужаснейшая! Дура à la lettre, mon cher¹, такое несчастье!

¹ Буквально, дорогой (*франц.*)

Баранчевский. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

Вихорев. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Послушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Баранчевский. Еще бы не помочь!

Вихорев. Ведь этот народ не понимает самой простой истины... Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно больше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества.

Баранчевский. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, некоторое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Баранчевский. Никоим образом!

Вихорев. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Баранчевский. Осуждай, пожалуй!..

Автор с первой сцены знакомит с своим героем — с этим образованным господином, на котором движется вся комедия. Вот эта сцена:

Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге.

Половой стоит подле него с полотенцем на плече.

Степан. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

Половой. Что ваш барин-то, служащий?

Степан. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

Половой. Что ж так мало-с?

Степан. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд... *(Глохнет с трудом.)* Кто я, да что я! Да другие провинности да шалунки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

Половой. А имение-то есть у вас?

Степан. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню — ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса — не слышать девичьего голоса.

Половой. А много ль душ-то?

Степан. У тятеньки-то было полтора, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый — дворовый. Вот и все.

Половой. Зачем же ваш барин сюда приехал?

Степан. Жениться хочет, из себя очень красив... Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: «Степан!»

Иду-с. (Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит. Половой стирает со стола полотенцем.)

Разговор Русакова с этим из себя очень красивым господином, последняя сцена из себя очень красивого господина с Авдотьей Максимовной и его восклицание:

— Опять несчастье! Ах, черт возьми! Куда я теперь денусь? Домотался! Хоть в маркеры ступай! Поеду еще куда-нибудь... Говорят, в *Короваеве* есть богатые купцы, и недалеко: всего верст 50...

Все это превосходно и в высшей степени верно действительности... Русаков и Бородкин вовсе не подняты на ходули, вовсе не преувеличены, как думают некоторые. Это живые лица, взятые из жизни, без всяких прикрас, — в особенности Бородкин. Они кажутся только героями в столкновения с таким лицом, каков г. Вихорев.

Авдотья Максимовна (дочь купца) отлично выдержана автором, а лица второстепенные (Анна Федотовна и Анна Антоновна), покровительницы людей образованных вообще и г. Вихорева в особенности, очерчены мастерски. Такие Арины Федотовны и Анны Антоновны встречаются у нас на каждом шагу. Ничего не может быть забавнее разговоров Арины Федотовны с Бородкиным, оканчивающихся одним и тем же: «Какой ты кавалер! и с бородой и *необразованный!*», восклицания Анны Антоновны при виде пьяного мужа: «*Необразованность* ты моя! что ты шумишь-та? мужик! мужик!» — и ее восторга при виде Вихорева, которого она называет *Амуром*.

Действие в новой комедии г. Островского очень живо; никакие лишние и ненужные эпизоды и подробности (каких много в «Бедной невесте») не охлаждают и не затрудняют действия, — в ней автор обнаружил чувство сценического такта и меры; но, несмотря на это, все-таки в художественном отношении эта комедия не может быть поставлена наряду с первой его комедией. Язык действующих лиц в этой новой комедии очень верен, но это не тот типический язык, обращающийся в поговорки, который мы слышали в «Ревизоре» и в «Своих людях — сочтемся!». Мы не можем не заметить, однако, превосходный ответ полового Вихореву, который на вопрос Бородкина: «А что, он образованный?» отвечает: «Как есть, из русских-с». Вообще «Не в свои сани не садись» произведение замечательное, умно задуманное и выполненное, но не выходящее из ряда обыкновенных талантливых произведений. В нем мы не находим еще обещанного *нового слова*...

Мы слышали много толков по поводу этой комедии.

Снобсы обижены, что их собрат явился в непривлекательном свете. Они говорят: «Помилуйте! что это такое? на что это похоже? Автор всех мужиков выставляет добродетельными, а нас, Снобсов, унижает... перед кем же! перед мужиками! Je vous demande bien!²».

Иные, люди очень, впрочем, неглупые и вовсе не Снобсы, замечают, что автор в своей комедии обнаружил уже слишком большое сочувствие к людям, подобным Русакову и Бородкину, и, пожалуй, иной его читатель или зритель может вывести такое странное заключение, что автор считает их идеалами людей... и проч. и проч.

Но на это, как нам кажется, дает достаточный ответ его первое произведение. Всех толков нельзя передать. Да и к чему?

Довольно того, что комедия на всех произвела сильное впечатление и возбудила толки.

Это — несомненное доказательство ее достоинства. Мы же, с своей стороны, радуемся за новое прекрасное приобретение, сделанное русской литературой, и находим, что впечатление, производимое комедией г. Островского, совершенно нравственное. Что ни говорите, мм. гг., простой, грубый, необразованный русский человек в его первобытной простоте все-таки выше всякого *полу*-образованного Снобса вроде г. Вихорева или такого *доброто* *малого*, на которого мы намекнули в начале.

² Я вас умоляю! (франц.)

Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Март 1853

Впервые: С. 1853. № 4. Отд. VI. С. 258–270. Без подписи. Публикуемый фрагмент — с. 261–267. Цензурное разрешение — 14.04.1853. Цензор А. Л. Крылов.

Переизд: Критическая литература о произведениях А. Н. Островского / Сост. Н. Денисюк. М., 1906. Вып. 1.

Фельетон Панаева представляет собою первый, после череды негативных высказываний «Современника» об Островском, сочувственный и даже хвалебный отзыв журнала о нем. В спектре оценок пьесы мнение Панаева о комедии «Не в свои сани не садись» располагается между исключительно высокой оценкой Филиппова (см. наст. изд., с. 329), увидевшего в пьесе новое направление в творчестве Островского, и прохладной статьёй П. Н. Кудрявцева (наст. изд., с. 334), недоговорного якобы тенденциозным «обелением» всего русского и необразованного и очернением западного и образованного. Панаев, напротив, не увидел в комедии никаких противоречий, а превосходство необразованной нравственной чистоты Русакова и Дуни над «гнилой» светскостью и европейскостью Вихорева предлагал трактовать как обличение «полуобразованности».

С. 349. *Это Снобс по происхождению...* — Английское слово 'snob' вошло в русский язык в значении «хлыщ, разыгрывающий роль большого барина» (Михельсон А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М., 1866. С. 667) после перевода очерков У. М. Теккерея «Английские Снобсы» (С. 1852. № 11–12). Использовалось многими критиками, и особенно Панаевым, который популяризировал русский аналог снобов — хлыщей — в серии очерков, печатавшихся в «Современнике».

С. 349. *Комедия г. Островского ~ успех на двух сценах: петербургской и московской...* — О постановке комедии см. наст. изд., с. 729.

С. 349. *В «Современнике» (3 №, Письма П. Ч.)...* — имеются в виду «Письма “пустого человека” в провинцию о петербургской жизни» М. В. Авдеева (письмо четвертое: С. 1853. № 3), в котором пьеса Островского «Не в свои сани...» была названа «замечательнейшим» произведением, ниже «Своих людей...», но выше «Бедной невесты» (С. 199–200).

С. 349. *Первое произведение его обратило на него всеобщее внимание...* — Комедия «Свои люди — сочтемся!» (1850). Об ажиотаже вокруг нее см. коммент. Е. И. Прохорова: *Островский*. Т. 1. С. 505–507.

С. 349. *Кто так недавно и безременно сошел в могилу...* — Имеется в виду смерть Н. В. Гоголя в феврале 1852 г. Сопоставление таланта Островского с гоголевским стало общим местом в критике начала 1850-х гг.

С. 349. *...чресчур услужливая критика ~ «Вот грядет... и проч.»...* — Намек на объявление Островского «новым словом» в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 209).

С. 349–350. *Люди ~ произведение необыкновенное и гениальное.* — Намек на высокую оценку критиками молодой редакции драматического этюда Островского «Неожиданный случай» и пьесы «Бедная невеста», встреченных петербургскими изданиями весьма прохладно (см. наст. изд., с. 615).

С. 350. *Некоторые журналы* ~ («Современник» и «Библиотека для чтения»). — Имеется в виду рецензия И. С. Тургенева (С. 1852. № 3) и «Письмо Иногородного Подписчика о русской журналистике. XXVIII» А. В. Дружинина (см. наст. изд., с. 236). Оценка Дружининым пьесы, вопреки утверждению Панаева, была более чем сдержанной.

С. 350. В «Современнике» ~ *какое-то особенное значение*. — Тургенев особенно хвалил образы «наивных эгоистов» Мерича и Милашина, вероятно, потому, что они оказались близки подобному типу героя в его прозе и драматургии начала 1850-х гг. См. об этом: Вдовин. С. 138–142.

С. 350. *Вообще в статье этой* ~ *что-то неопределенное и недосказанное*. — Возможно, этот упрек Панаева отражает недовольство редакцией «Современника» чересчур высокой оценкой, которую на страницах журнала получила пьеса Островского, печатавшегося в «Москвитянине».

С. 350. «Отечественные записки» ~ *слишком неблагоприятно и строго...* — Имеется в виду весьма критическая оценка пьесы в статье А. Д. Галахова (см. наст. изд.).